

**Институт стратегических исследований
«Новая Украина»**

Аналитический доклад

Большой переход

II часть. Европа: похищение и возвращение?

**Киев
июль 2019**

II часть. Европа: похищение и возвращение?

Содержание

1. В поисках мира после «Великой Мировой войны» (легенда о XX веке)
2. ЕС: нео-либеральная турбулентность «комфортной середины». Повестка новой справедливости
3. Европейские амбиции и социальный идеал
 - 3.1 Что случилось со средним классом?
 - 3.2 Реабилитация социального идеала Европы: интеллектуальные манифесты «Так дальше жить нельзя»

Под общей редакцией Ермолаева А., Ермолаева Д.

Авторы доклада: Ермолаев А., Ермолаев Д., Емец В., Левцун А., Надтока Ю., Щербина В..

«Именно Европа – вся Европа от Атлантики до Урала, - определяет судьбы мира» (Шарль де Голль)

«Война, насилие уже не являются средством политики. Думать иначе – значит вести дело к концу света» (Гельмут Коль, 1988)

«Мы хотим вместе с европейскими друзьями создать в Евразии мост дружбы и сотрудничества. Нам нужно приложить совместные усилия для создания четырех мостов – мира, роста, реформ и цивилизационного прогресса, чтобы сделать всестороннее стратегическое сотрудничество между Китаем и Европой еще более значимым и влиятельным» (Си Цзиньпин, 2014)

«Я за то, чтобы Россия постепенно сближалась с европейским экономическим пространством, чтобы мы в конечном итоге имели общую экономическую зону от Владивостока до Лиссабона...», «Мы должны постепенно двигаться к этой цели» (Ангела Меркель, 2016)

1. В поисках мира после «Великой Мировой войны» (легенда о XX веке)

1. Тысячи страниц исписаны историками для объяснения феномена «начала» т.н. «первой мировой». Бикфордов шнур амбициозных заявлений об объявлении войны и первые военные действия казались в далеком уже 1914-м временными и даже «ненастоящими». По воспоминаниям современников, со вступлением в войну Франции на Западном фронте уже гибли тысячи, а в парижских кафетериях и петербургских ресторациях еще непринужденно сидела публика, громко обсуждая последние сводки из свеженапечатанных газет. Водоворот событий втягивал все новых и новых акторов, потери территорий и тысяч жизней мотивировали военные штабы к новым операциям, а дипломатов – к новым переговорам и сговорам. «Похмелье» 1918-го дорого стоило Европе и миру, и кровавые геополитические и военные застолья продолжались добрых 7 десятилетий.

2. И сто лет назад, и сегодня вопрос без ответа – КАК, понимая ВСЕ, интеллектуалы, политики, дипломаты и деловые круги перешагнули черту? Почему пафос Возрождения и нового рационализма, гордыня Просвещения и господствовавший прогрессизм не удержали мир от провала в варварство и мракобесие Великой Мировой войны, тоталитаризма всех мастей и идеологического фанатизма?

3. Второе десятилетие нового столетия (числительно XXI-го) - вновь в призраках Войны. Дипломаты и политики, «мозговые центры» и научные авторитеты без обиняков говорят об угрозе и возможности «горячих битв» Запада и Исламского мира, США и Ирана, НАТО и России... В любой из конфигураций поле битвы – весь мир, участники – все народы и альянсы.

4. Мировая война как новый способ изменения мира и миропорядка стал таким же допустимым вариантом, сценарием, «проектом жизни», как финансово-торговые альянсы или глобализированные коммуникационные стандарты общения с

помощью интернет. Война из исключения, крайности становится циклической нормой Нашего Нового Времени. Вернее, **может стать** – имея предтечу прошедшей Великой Мировой и безбожную слепоту нынешних «внуков войны».

5. Оглянитесь вокруг. Наши со-временники опьянены войной. Плюют на риски. Подло допускают смерть молодых и будущих поколений. Упиваются своей «настоящностью» (а после нас хоть «потоп»). И готовы разрушить новый ультрасовременный мир ради новых переживаний всечеловеческих «либидо» и «танатос».

6. Разговоры о том, что мир находится в хаосе и рухнул т.н. «мировой порядок», не стихают вот уже третье десятилетие. «Ялтинско-потсдамский холодный порядок» продлился почти столетия, и многие считают это время «золотым веком» современной западной цивилизации и расцветом мировой экономики, успешной глобализации и выравнивания развития. Собственно, для каждого из нас, может, за редким исключением, детство выглядит «золотым временем», преддверием сложной взрослой жизни. Но если период после второй мировой был таким вот «золотым веком», «детством» нашего противоречивого «сегодня», то что росло и что выросло?

7. XXI век скоро отметит свое первое десятилетие, а век XX-й все не отпускает. В свое время известный политэконом и историк Эрик Хобсбаум, автор определения «длинного девятнадцатого века», назвал ушедший XX век «коротким». Джованни Арриги, еще одна светлая голова нашего времени, в пику Хобсбауму, считал век двадцатый таким же «длинным», как и предыдущий XIX-й. И Арриги прав. То, что для Хобсбаума выглядело сжатым и скоротечным, вмещается в определение «ПЕРЕХОД». От начала империалистических войн и революций начала XX века до Хельсинской декларации СБСЕ 1975г., и затем – до распада СССР, объединения Германии и создания Европейского Союза дистанция действительно меньше «века». Но начало нового порядка явно затянулось, и протяженность перемен уже получила определение «нарастающего хаоса».

8. О «мировом порядке» в XX веке говорилось и писалось бесконечно. Вероятно, потому что в человеческой истории этот век останется в памяти и опыте прежде всего как **век Великой Мировой войны**. Мировой – потому что вовлечены были практически все народы и территории. Но еще потому, что по-толстовски «всем миром» столкнулись династии и империи, народы и классы. **Сама война на несколько десятилетий стала «порядком», в котором, несмотря на декларации о нормах и ценностях, сила и воля определяли судьбу миллионов.**

Пожалуй, впервые после религиозных войн в Европе конфликт идеологий и социальных утопий стал одним из главных приводных ремней войны. Как и Священный союз 1815-го, рожденный страхом континентальных империй и династий перед силой революционной утопии «освободительных» наполеоновских войн, **Версальский мир, Лига наций-ООН и НАТО были своего рода «идеологическим утешением» - попыткой задекларировать порядок на основе общих ценностей (нация, демократия, права человека, коллективная безопасность), прикрывавших нерешенные проблемы («баланс интересов») нового пост-имперского и исторически скоротечного «национального миропорядка».**

9. В этой Великой войне были «первая» и «вторая» горячие войны, была и «холодная», но – не менее кровавая и обжигающая. Очень условно эта Великая Мировая война ограничена рамками событий, которые «схватывают» масштаб и, что еще важнее, осмысленное все-человеческое действие.

Первые войны начала века (англо-бурская, русско-японская) быстро переросли в «войну империй», стыдливо прикрытую идеологией «войны народов».

Глобальные столкновения этой войны периодически утихали, но не останавливались ни разу. Гражданские конфликты в Китае и японская оккупация на Востоке и в Тихом океане, испанская «гибридная» мировая война 30-х, война в Корее и Вьетнаме 40-70-

х, ближневосточные войны 50-60-х – лишь отдельные иллюстрации Великой Мировой.

Таким образом, крах Старого порядка «длинного XIX века», Великая Мировая война и затянувшееся на десятилетие у-миро-творение составляют условную хронологию и не менее длинного XX-го.

10. Кровавые события и крупные социальные потрясения «притягивают» внимание, а их пере-живание часто накладывается эмоциями, впечатлениями, изгибами судьбы на общий жизненный поток. Украинский философ Мирослав Попович назвал век XX-й «кровавым». Яркое, совсем не философское, но такое точно-метафорическое определение.

«Длинный», «кровавый» и еще не закончившийся век, ломающих хроно-границы и каноны ушедшего, такого же «длинного» века XIX-го.

11. После Хельсинки-75 мир не успокоился в одночасье. Войны в Афганистане, ирано-иракский конфликт, война в Ираке, трагичный распад бывшей Югославии, военные конфликты в Грузии, Украине... И все же **эта инерция** Большой Мировой существенно отличается от предыдущих потрясений. Фронтальные стычки и межгосударственные акты войны сменились «молекулярными» войнами и «гибридными» технологиями. Все отдают себе отчет в неосуществимости полноценной Войны, потому что в такой войне победитель невозможен, а поражение равно уничтожению.

12. Бои историков за историю всегда были неотъемлемой частью борьбы за умы. Важно ведь не только «что было» и «как это было», но и **что это значит для последующего**. Сознание человеческое, как индивидуальное, так и коллективное, постоянно «перезагружает» прошлое – как актуальный опыт и ценностно осмысленное значение. Неслучайно так распространен постулат о необходимости «пере-осмыслить прошлое». И это ведь не разовое

действие. На самом деле, переосмысление – как ре-актуализация, пере-оценка значений и целе-полаганий – процесс постоянный, потому что связан с нашей мотивацией к будущему, осмысленностью отдельного поступка и общественного действия. По другому никак.

13. Великая Мировая война XX века «в себе» содержит огромное число характеристик и черт. Экономисты выделяют в ней – как главное - следствия промышленных революций и борьбу индустриальных центров за рынки и территории. Политэкономы – смещения центров развития («центры накопления капитала») и форм организации обществ и социально-экономических систем. Политические философы – мировой классовый конфликт эпохи промышленного капитализма, вылившийся в итоге в конкуренцию и противостояние двух цивилизационных систем социализма и капитализма, где крах социалистического лагеря стал своеобразным итогом, определившим исторического победителя – нео-индустриальную систему глобального капитализма. Психологи видят в этой всечеловеческой схватке конфликт «десакрализованного» бытия современного индивидуализированного общества и старых систем внешней организации (государство, производство, семья, - как пел Высоцкий, «все не так, ребята»).

Эти и другие подходы к осмыслению уходящего века существенны, потому что отражают важные стороны и черты времени. Грубо говоря, все это имеем место быть.

14. Несмотря на все «имперские» пакты в Ялте и Потсдаме, смысловое и идеологическое завершение этой Великой войны началось с идеей «разрядки», «конвергенции», «гуманизации отношений» и отразились в идеях мирного со-существования разных социальных систем только в середине 1970-х XX-го века. **Хельсинская декларация СБСЕ 1975 года стала своеобразной «мировой вехой», завершающей Великую Мировую войну, длившуюся по меньше мере 7 десятилетий и «маяком» начавшегося процесса у-миро-творения.**

15. Войны и революции не исчерпывают всех значений и смыслов прошедшей, а вернее – все еще уходящей вековой эпохи. Как, впрочем, и декларативные международно-правовые порядки, – лишь «оконтуривают» эпоху. Но этот контур зыбкий и условный. И зачастую реальные процессы выходят за рамки этих норм, а события раздваиваются. Мы видим (или вернее, хотим видеть) ту грань происходящего, которая подтверждает наличествующий порядок. И как слепцы, невидящим взглядом пропускаем ненорматичное, выпадающее, за-граничное.

Так, заявленная «эпоха наций», закрепленная Версалем и вильсоновской Лигой наций, вполне вписывалась в процесс трансформации бывших территориальных империй европейских господ в чинные и благополучные европейские нации по итогам мировой войны 1937-1946 (от «гибридной войны» в Испании до капитуляции императорской Японии). Но не менее кровавые военные события в ИндоКитае и Корее, циничные гибридные войны на Ближнем Востоке и Африке происходили как раз как «контр-национальные». Две Кореи, «схематичный» арабский Ближний Восток (клокочущий нерешенным национальным вопросом до сих пор) – лишь наиболее явные проявления этого беспорядка в «международном порядке».

16. Крах социалистического лагеря и подрыв доверия к «коммунистической утопии» так и не стал «концом истории». Френсис Фукуяма с каким-то юношеским энтузиазмом поспешил объявить «конец эпохи», разрыв времени. Но на смену «борьбы систем» пришла борьба культур и социальных организаций. Идея «конвергенции» приобрела совсем новую историческую коннотацию, и история так и не у-порядоченного мира «продлилась». Что с честной грустью в последующем признал и сам философ.

17. Национальное проектирование, опирающееся на неоколониальную трансформацию мира в связи с распадом территориальных империй во второй половине XX века, так и не обеспечило нового устойчивого баланса сил и интересов – ни на

глобальном, ни на локальном уровне. Все новые и новые народности, религиозные и идеологические общины заявляют о своих правах на суверенитет, и не только в территориальном, но и в культурном и идеологическом измерении. Яркий пример – идеология нового движения в исламском мире «Движение умеренных» (инициатор – политический класс Малайзии). «Умеренные» и ИГИЛ – еще два новых полюса, дополняющих совершенно новую картину мира. Выступая за диалог и мирное сосуществование исламского и западно-христианского миров, сторонники «умеренных» открыто выступают за равную конкуренцию двух моделей экономической организации мира – «экономика процентного капитала» и «экономика участия». Пожалуй, впервые после противостояния капиталистической (конкурентный рынок) и социалистической (административный рынок) моделей экономик (с претензией на глобальность) дискуссия о право на выбор социального устройства была предложена так четко и недвусмысленно. «Параллельные современности» (С.Хантингтон) из кабинетов философов и футурологов перекочевали в реальную политико-экономическую плоскость.

18. Таким образом, **историко-философский смысл 70-летней Великой Мировой войны заключается в развернувшейся борьбе за право на историчность, как право участвовать в «творении дальнейшей истории».** И исторический смысл «завершенности» кровавого XX века (его ценностное значение для последующего) будет найден и реализован в «новом миро-порядке» новых исторических субъектов. Поэтому XX век может стать одним из самых «длинных» в актуальной вековой истории человечества, занимая свое место рядом с «темными» веками и эпохами.

19. В этом «Большом Переходе» и по итогу Большой Мировой войны ушел в прошлое мир метрополий и колоний. Европа заплатила высокую цену за империализм. Между демократической утопией «Соединенных Штатов Европы» и Евросоюзом – почти сто лет империалистических войн, волны пост-колониального

национализма и амбиций несостоявшейся американской гегемонии Нового Света (Рах Americana).

20. Бывшие европейские империи (Франция, Голландия, Испания, Португалия, Германия) из держателей старого миропорядка на какое-то время превратились в сателлитов, зависимых от товарных кредитов и технологий главного выгодополучателя Большой Мировой – США. «План Маршалла» стал уникальным инструментом геоэкономического «раздевания» вчерашних империй, Бреттон-Вудская система поставила на счетчик когда-то суверенную казну былых империй и монархий, НАТО оформило геополитический сателлитизм.

«Маршаллизация» послевоенной Европы превратила саму Европу в индустриальную колонию-континент, где в условиях послевоенной разрухи поступали оружие и станки (как когда-то туземцам – бусы и виски), а оплатой стали раскрытые рынки бывших колоний, кредитная зависимость и геополитическая вторичность. Раздел Европы по «санитарному кордону», передел Германии и оформление двух систем «на двоих» - США и СССР – **загонял Европу в исторический угол объектности**. Призрак будущего транс-атлантического единства (навязчивое предложение США еще с конца 1940х) грозил Европе стать штатом – но не Европейского Союза, а Американской Атлантики.

21. **Бывшие европейские империи и авторитарные режимы, пережив потрясение фашизма и разрушений, шаг за шагом, начиная с Европейского объединения угля и стали, с трудом возвращали себе право на новую историю. Так видится замысел и разворачивание проекта ЕвроСоюза – от 1950х к 2000м.**

22. В основе стратегии новой субъектности Евросоюза, на наш взгляд, лежит идея Нового лидерства, - социальная утопия гуманного устройства (мультикультурализм, права и свободы человека, социальное государство).

Три составляющих стратегии новой европейской субъектности.

В геоэкономике – де-маршаллизация национальных экономик и восстановление влияния на прошлые «колониальные миры» на основе финансово-технологической и культурной экспансии («европеизация»). Составные стратегии – от объединения угля и стали - к экономическому сообществу (ЕЭС), общему экономическому пространству (от энергетической системы до стандартов), валюте (евро), инфраструктуре (еврокоридоры, энергосистема континента), буферной зоне и ресурсной базе (политика соседства и субрегиональных сообществ), сохранение модели социального государства после потерь и потрясений мирового кризиса 2008+.

В геополитике – объединение Германии (1990) и создание интеграционного ядра (франко-германский «ахенский» договор 2019г.), укрепление военно-политической самостоятельности (программа PESCO, 2017), с перспективой создания единой европейской системы коллективной безопасности, самостоятельная политика в отношении «конфликтов сдерживания» (Сирия, Иран, Украина).

В глобалистике – наращивание связей и формирование «общих пространств» с новыми центрами роста и марорегиональными объединениями «без США». Подготовка и реализация новой «длинной» континентальной стратегии (начало положено «»Парижской хартией СБСЕ 1990г., идея **Большой Европы**). Договор о зоне свободной торговли с **МЕРКОСУР** (2019, Бразилия+) и подготовка почвы для континентальной зоны свободной торговли с Китаем и РФ (ШОС+ЕАЭС).

Идея Хельсинки-2, включающая в себе и участие Китая, вполне реализуема уже в ближайшие годы.

Европа борется за свой новый порядок, за свой, европейский XXI век. В котором нужно научиться, учитывая уроки «кровавого XX века», быть «не первым, но и не вторым». **Политэкономы определяют грядущий цикл развития как «азиатский», с**

центром накопления капитала в Китае. Китай демонстрирует готовность к конкуренции без войн. Европа готовится быть благодарным глобальным партнером нового лидера.

«Тот, кто овладеет новой континентальной стратегией развития, сохранит и историческую субъектность. Тот, кто останется в стороне, - может потерять и страну». Такой может быть жестокая формула выживания для стран евро-азиатского континента в грядущем XXI веке - веке пост-военного развития - веке гео-культурных ассимиляций и гео-экономического поглощения.

2. ЕС: нео-либеральная турбулентность «комфортной середины»

Повестка новой справедливости

Политическая турбулентность в европейских странах ядра связана в большей степени не с выдвигаемой на первый план причиной (в большинстве из мейнстримных вариантах интерпретации) смены политических генераций. Этот поколенческий политический подход объяснения, конечно, имеет право быть, но пристальный полит-экономический анализ находит переворот в стабильности социальной базы, на которую опирались и субъектом представительства в публичной политике которых были классические уважаемые европейские партии (часто по игровому сменявшие друг друга, в синхроне делового цикла национальных экономик, социал-демократы во всех ипостасях/центристы-право-центристы). Но последние годы эта формула политического консенсуса начала давать сбои. И глубинные процессы, как и острая протестная волна (пока еще не оформившаяся институционально) начинают набирать обороты с невиданной скоростью. Именно эту надвигающуюся силу почувствовало новое политическое европейское поколение, но можно ли обойтись новым политическим циклом без серьезных системных встрясок или даже смены социально-экономической и политической организации отдельных стран или всего Союза - вопрос, который будем разбирать.

На недавних выборах в Европарламент фракция Идентичность и Демократия (фракция Европарламента, в которую входят «Национальный фронт», чешская «Свобода и прямая демократия», «Лига севера», «Австрийская партия свободы», «Фламандский интерес», «Конгресс новых правых», немецкая АДГ, Финнская партия, Консервативная народная партия Эстонии, Датская Народная Партия) набрала под 10 процентов делегатов. Составные данной фракции часто принято обозначать в политологической терминологии как право-популистские партии. Но в данном

упрощенном обозначении размывается важные аспекты причин их появления, социальной базы и содержательной повестки. Забегая вперед, их виденье возобновляемой роли национального государства, в социально-экономическом разрезе, более левое, чем суть проводимой политики сдающими повсеместно свои позиции классическими европейскими социал-демократическими партиями. Большинство из упомянутых политических сил на своем национальном уровне исходят (и сходятся программно соответственно на Евро уровне) из запросов пострадавшего ядра европейского среднего класса, или так называемой «комфортной середины».

Восстановление Европы после Второй Мировой Войны сопровождалось достаточно жестким мобилизационным режимом почти во всех субъектах европейского региона. Это касалось в первую очередь рынка труда. Понимание тяжести задач сформировало (да и фактически требовало объективно) минимизации прав рабочих, с максимизацией всей необходимой послевоенной восстановительной нагрузки: время работы, временность занятости, условия труда, оплата и т.д. Задачи, поставленные перед национальными правительствами, и понимание ситуации формировали на то время и соответствующие политические режимы с условными «партиями капитала». Но последующая фаза роста и экономического подъема сопровождалась уникальным периодом расцвета европейской социал-демократии. Соседний «занавесный» послевоенный Советский Союз и объективно, и мифо-идеологически задавал опережающую планку представления о значимости и реальности социального государства с высокими стандартами обеспечения экзистенциального комфорта работника и труда как такового: полная государственная медицина; гарантированный курортный отдых; гарантия профессиональной карьеры; да и просто дарила беспелляционную уверенность в витальной стабильности себя / детей / внуков... На фоне этого, европейские трудовые союзы получали мощный само организующий идеологический козырь в давлении на работодателя (притягательный соседский пример). А капитал был вынужден идти на упреждение низового рабочего движения (в условиях антисоветской установки) через плавное

наращивания составных элементов будущего средневропейского социального государства. Разгоняемого наращиванием внешнеторгового сальдо в ситуации постоянно растущего спроса на европейские товары и услуги и качественного роста производительности труда (чему благоволило щедрое финансирование среды НИОКР). Рост экономической базы для распределения превосходил возможные социально-политические издержки. Именно в этом тандеме внешней «социалистической практики» и «социализирующейся публичной политики» произошло формирование известной нам до недавно «европейской мечты». Именно той формы организации социального пространства «в труде и отдыхе», который в своей мифологической обертке рядового туриста поддерживается и до сих пор. Когда приезжают в места туристической финансовой накаченности (либо в европейские столицы) и картину местной жизни для себя формируют по успешному среднему и высокому слою местного среднего класса, естественным образом формирующего там окружение. Но победа право-популистских сил и недавняя волна не оформившихся институционально-политически движений «желто-жилеточников» (стоит взять журналистское наименование этого французского движения как уже общеевропейское имя нарицательное) говорит об принципиальном разломе в механизмах обеспечения преемственности социальных сред, условно, обитания европейского среднего класса. Волна политических альтернатив (как под правыми, так и под левыми брендами) объединены повесткой слома несправедливого социально-экономического порядка. Порядка, в котором в лигу проигравших выпадают из еще недавно стабильных профессиональных и бизнесовых сред. Порядка, в котором новые поколения не имеют шанса попасть в классовую мобильность, где талант, умения, старания являются критерием «открытых высоких достижений в свободном обществе». Именно схлопывание открытых возможностей, само ощущение тотально закрытой несправедливости и предощущение некой новой системы сословного общества (где образование, здоровье, удачливая в человеческих и профессиональных связях среда обитания требует предзаданности наследуемого «социального стартового капитал») объединило волны уличных

протестов по всей Франции (а за ней и первые звоночки по другим странам), как говорится, связав под одним жилетом от мала до велика. Объединив и студентов, лишаемых доступности образования и гарантий нормальной занятости до 30+ лет, и людей среднего/старшего рабочего возрастов, для которых тенденции на европейском рынке труда создают перспективу пожизненной подвешенной занятости (с пенсией в 550 евро, если ты преподаватель музыки по малым контрактам)

Возвращаясь к левизне правых и схожести повесток между обеими лагерями. Они объединены требованием новой справедливости. Справедливости по слову системы распределения, которая сложилась в среде последних неолиберальных правил организации экономической жизни. Правил, внедрение и регуляцию которых осуществляют структуры надгосударственной организации Европейского Союза. Только правые требуют вернуть функции регулирования правил торговли на национальный уровень (помочь в защите, через протекцию, заработка национального среднего бизнеса) и заодно физически отрегулировать прибытие «новых европейцев», которые в сверхоткрытом и де-регулируемом рынке труда занимают низовые рабочие места (что следует понимать с определенно большим вниманием, но не с точки зрения лишь позиции «нетерпимость против мигрантов», а именно как защита мест низового заработка тех, кто за последнее время выпал из европейского среднего класса вниз либо не способен от туда выпрыгнуть после получения диплома). Борьба с мигрантами в Европе в политическом представлении стало борьбой за трудовую среду, проигравших от крайнего либерализма Брюсселя. Но имея моральную составляющую показной публичной пост-колониальной вины центристские европейские партии жестко до последнего времени отвергали право рядового итальянца/француза/немца правомерно требовать более жесткой регуляции рынка труда (непосредственно иммиграции).

Кстати, именно с миграционной темы наиболее показательно разворачивать пояснение причины трещин и турбулентности на европейской политической арене. Но речь касается не

банальности об дискусионности квот и ругани вокруг организации этого процесса. Нет, картину происходящего зарождения социального маргинального протеста и полит-экономический паспорт кризиса европейской «комфортной середины» нам поможет раскрыть позиция, по иммигрантской теме, Германии.

Именно эта самая профицитная страна ЕС, ее, без преувеличения, политический и экономический лидер, является главным апологетом интенсификации миграционного потока. По данным исследователей фонда Bertelsmann, основная часть трудовых мигрантов должна прибывать в Германию из так называемых стран третьего мира. Так, по их подсчётам, в период с 2018 по 2035 годы в страну ежегодно должны прибывать около 98 0001 мигрантов из стран третьего мира (без учета мигрантов из ЕС). Такая большая потребность связана как с демографическим спадом у предыдущих успешный, само реализующихся городских (и мало детных) поколений, так и, самое главное, со стабильно высоким ростом немецкой экономики, который делает ежегодно востребованным все больше и больше рабочих мест. Даже не смотря на автоматизацию. То, что Германия проталкивает миграционные квоты и в другие страны связано с логикой первичной социализации к европейским коммуникативным и символическим практикам (базовая рабочая социализация). После которой новые рабочие руки уже можно принимать на своей территории – здравый и хитрый прагматизм.

Цифры-тезис: 10 процентов немецких домохозяйств контролирует более 66 процентов чистого денежного богатства Германии (те самые видимые зажиточные бюргеры в люксовых авто последнего модельного года на улицах немецких Берлина, Франкфурта, Гамбурга, Мюнхена - тех, кого видят туристы, синхронно составляя, под впечатлениями, дорожную карту переселения в эту богатую страну). - Богатая страна, где меньшинство (видимое, количественно существенное) зарабатывает путем сокращения издержек за счет своего нового немецкого неопределенного класса - прекариата (прим.: "precarious", прекариат/прекариативный -

нестабильный). Прекариарность дает работодателю возможность сокращать издержки увольнения (малый контракт/временная работа и т.д.); держать в страхе и повиновении (политическом в том числе, держим в уме украинский гос.сектор) работников ядра постоянной занятости - страха самому оказаться в статусе прекариата. Суть, лежащая за этим социальным фактом последнего десятилетия/двух - переориентация страны от повестки социального государства к ново-сословной неолиберальной форме организации ресурсов национального пространства с целью повышения конкурентоспособности национального outsource перед корпоративным капиталом - эффективная немецкая экономическая модель, породившая социальную бомбу замедленного действия. Модель, выдерживавшая политическую стабильность для давно уже центристских коалиций (лишенных левого содержания) ХДС/ХСС и др. только лишь по причине иной более социально стабильной пропорции социально удержавшихся vs проигравших (чем у соседних европейских друзей - мощные протесты низов «желтых жилетов» в недавно джентрифицировавшемся богатом Париже - тому пример). Баланс, который в Германии становится крайне нестабильным.

3. Европейские амбиции и социальный идеал

3.1 Что случилось со средним классом?

То, что средний класс сокращается вообще, является совершенно новым явлением, представляющим разрыв с давно преобладающей моделью роста и процветания.

Самые верхние слои в среднем классе, можно описать как пояс «безопасного процветания» и они остаются почти полностью отграниченными от социальной турбулентности и так называемой нисходящей мобильности. Мобильность рабочей силы и необходимые для этого либерализующие послабления на рынке труда были утверждены на общеевропейском уровне как сверх необходимая норма на фоне изменений в структуре занятости, появления новых индустрий, интернетизации управления и т.д. (важное уточнение: множество из изменений в механике взаимоотношения работник-работодатель все же касались новых, добавленных отраслей, а не означали повсеместной трансформации. Но либерализация трудового законодательства произошла повсеместно). Выигрыш капитала был ясным, удар новой социальной незащищенности предполагался по маргиналам политического костяка - среднего класса: ранее устойчивые группы на окраинах оказываются в водовороте неолиберального роста.

Как результат. До трети немецких работников занята на правилах нестандартных трудовых условий. Нормальные трудовые отношения стали неопределенным понятием, оставаясь теперь номинальным термином.

В зоне уязвимости оказалась временная, небезопасная занятость, поскольку подрывается как личная безопасность, так и социальные сети. Формируются новые большие группы, которые исключены из социального участия на большинстве уровней (особенно с точки зрения безопасности, социальной включенности и культуры). Вместе с их безопасностью снялись и финансовые обязательства государства.

В формуле нового классового оценивания позиции работника, теперь необходимо брать в расчет не только его текущий статус, но и особенно его шансы и опасения столкнуться со своей нисходящей мобильностью. Как пример, в результате преждевременных родов, уменьшенной

государственной социальной помощи и сверх либерализованных стандартов в социальных гарантиях капитала - все приводит часто к разрушению социальных сетей, ухудшению перспектив участия в жизни общества и снижению шансов вести плановую жизнь со стабильными перспективами на будущее (что также есть одной из составляющих демографического кризиса Европы - а потом потребности в иммигрантских руках - а потом борьбы с антисистемной силой политической маргиналы, исходящей из социальных последствий этой политики. Замкнутая формула.) Представители среднего класса получают все меньшую долю экономического пирога, в то время как высшие классы получают все больше и больше. Условный социальный лифт конвертировался в крайний неолиберальный эскалатор, в котором рабочий класс движется вниз, в то же самое время как расстояния между верхним и нижним этажами, им связуемый, увеличиваются с угрожающей скоростью.

В нашумевшей книги, «Скрытый немецкий кризис»², Оливер Нахтвей прямо обвиняет немецкий истеблишмент в том, что те создали идеальное государство внутренней эксплуатации самих же немцев. Многочисленные исследования показывают, что почти каждая вторая новая работа выполняется по временному контракту. Нахтвей подчеркивает, что Германия была выстроена как идеальная аутсорс страна. Многочисленные дороги, качественная транспортная-энергетическая инфраструктура, подвешенные (от нужды готовые на все, но высококвалифицированные в немецком же бесплатном образовании) прекарные работники стали средой-в-аренду. Средой с одной из самых высоких показателей производительности труда и самой низкой издержкой для любой ТНК либо же нац. капитала.

Нестабильная занятость преднамеренно, в итоге, была взята также как неолиберальный инструмент и как средство внутренней социальной дисциплины (заново востребованной социальной нестабильностью, которая порождена увеличением доходности). Страх выпсть из стандартной занятости стимулирует как свою личную работу, так и снимает политические претензии от самой ситуации нормальности позиции прекариата (так как данная позиция является защищаемой нормой в институциональной трактовке и на уровне неолиберальной идеологии, защищаема как форма безапелляционной функции рыночной справедливости, предпринимательской свободы и самой основы потребительской стабильности эпохи развитого капитализм: «мир таков в своих благах, только когда рынок труда таков в своей структуре и принципах саморегулирования»). Это, кстати, очень

созвучно либеральным/либертарианским посылам новой украинской политической команды, где доминирует пример молодого успешного предпринимателя - как формула и субъектность успеха. Формула успеха малой предпринимательской касты, логика хищнического становления которой (как и меры: меньше контроля, меньше налогов, меньше спроса и требований) никак не может стать универсальной. Как минимум для работников, которые под ними должны этот успех выстраивать в формуле малого государственного участия. Не забываем, что в формуле минимизации издержек и максимизации прибыли еще никто не ставил ограничительных точек. Посмотрите на историю Конголезской войны и на европейский капитал, который зарабатывает, в том числе, на тамошних копанках танталита до сих пор. Если что – это то, из чего у вас компоненты в телефонах.

Итого: повсеместно нарастает недовольство среднего класса, так как любые перспективы трудоустройства становятся все более размытыми для уже огромных групп. «Нормальная рабочая незащищенность» стала нормой. Государство прикрывая глаза делает вид, что никакой истории социального европейского государства не существовало и, что новым стандартом должна стать обыденность жесткого социального расслоения и режима «борьбы за существования», усиления градуса этой борьбы - вопрос времени (в публичной политике старых доминирующих партий это принимает идеологическое обрамление «единственной формулы национального выживания» в новой жесткой конкуренции за лидерство в борьбе за свое место в новом плавающем накоплении капитала).

Новый политический тезис справедливости задает экзистенциальную (но еще содержательно не проработанную) формулу преобразования сложившейся системы, исходя из антитезиса: эта система заставляет чувствовать себя обделенными, лишенными своей мечты и находящимися в неблагоприятном социальном положении, которому нет конца и разрешения кризиса личного значения и потери своей социальной репутации. Европейский Late Capitalism подарил сверхприбыли и доминирование концерна VW, но лишил европейский проект сердцевины «счастья свободной самореализации», лишенной, кстати, американского блеклого потребительского лоска.

Исходя из описанного проблемного социального базиса, «пляшут» европейские политические альтернативы. Если мы взглянем на программные положения «Национального объединения» (бывший Национальный Фронт) по общеевропейской тематике, по которой сходятся положения других партий фракции, то увидим, что общим для них есть все то же увеличение администрирующей и мобилизующей

роли государства. В противовес неолиберальной повестке размывания/сокращения государства и передачи его социальных функций корпоративному сектору. Как показывает турбулентность европейского и! американского, о чем требуется еще отдельная речь в дальнейшем (США могут оказаться фронтиром быстрого радикального левения, вопреки Европе), социально-политического пространства - сокращение ресурсов и требования социальной компенсации встречает жесткий прагматизм капитала. Невидимая рука рынка тянет на себя, но не вытягивает.

3.2 Реабилитация социального идеала Европы: интеллектуальные манифесты «Так дальше жить нельзя»

В 2013 вышла нашумевшая и многими уже изученная работа Томас Пикетти, «Капитал в XXI веке», посвящённая экономическому неравенству в Европе и Соединенных Штатах, начиная с XVIII века. Работа с большим количеством доказательной базы данных и формул цель которых одна - показать, что выше нами описанные процессы есть не случайность, а логическая закономерность с прогрессирующими последствиями. Все большее богатство перетекает, аккумулируется и находится в распоряжении все меньшего количества людей. Процесс, который недопустим в ситуации социальных, климатических и т.д. вызовов, с которыми сталкивается человечество, живущее на одной планете с этим децилем меньшинства (определяющего бедственное положение миллиардов). Посыл Пикетти в части Новой Справедливости предельно простой и пока не кровожадный (но характер этот уже от него не зависит, формула страха перспектив в его работе зажила своей судьбой): возобновить распределительную и надзорную роль государства в части фискальной дисциплины транснациональных корпораций в любых их закамуфлированных способах присутствия в национальных/субнациональных границах. Природный, инфраструктурный, человеческий национальные капиталы быть основой обеспечения доходов для наполнения национальных бюджетов и инвестирования в возрождение социального европейского государства. Именно с деталями такой инициативы, в начале 2018 года выступил сам Томас Пикетти в объединении единомышленников среди французской (и др.) интеллигенцией³ и европейских общественных деятелей. Они выступили с совместной инициативой и открытой программой по возвращению в Европу системы «социального государства» с учетом преодоления опасностей XXI века: экология и динамика катастрофической неравенства. Инициатива,

³ <http://sg-sofia.com.ua/manifest-demokratizazii-evropi>

предусматривающая архитектуру европейского единства на новых принципах развития и конкурентоспособности. И возвращение демократии через суверенную Европейскую Ассамблею.

Следующим звонком последовал более радикальный «Манифест нового народного интернационализма в Европе» из испанского лагеря поисков новой формулы справедливого перестроения. "Манифест ReCommons Europe» был составлен группой исследователей и активистов из дюжины и более стран Европы, которые хотят предложить план, что должен быть выполнены радикальными левыми силами, желающими создать условия для социальных изменений в интересах большинства населения после прихода к власти в большинстве европейских странах, при активной поддержке населения. Он является частью проекта ReCommons Europe, который был инициирован двумя международными сетями, CADTM и EReNSEP, и Баскским профсоюзом ELA, с целью внести свой вклад в стратегические дебаты, происходящие сегодня среди европейских радикалов. Он был составлен коллективно в ходе совещаний, состоявшихся в 2018 году.⁴ В данном случае Манифест предлагает создать форму интернационала левых радикальных мер, предполагающих одномоментный общеевропейский взлом институтов ЕС, которые маркируются как неолиберальные агенты капитала, перестроившие европейский социально-экономический ландшафт однополярно в служение на прибыль крупного капитала. И началом преобразований предлагается одномоментное восстановление национального экономического суверенитета (огосударствление банковской системы, протекционизм и дирижизм отдельных секторов, возвращение гос. медицины и т.д., смены роли государства в ключевых формах собственности – обобществление национальных фондов), налаживания механик социального государства и как финал - новый квази-союзный договор полевевших национальных правительств.

Вектор предлагаемых преобразований явно выходит за одни лишь поверхностные реформы, уточнение законов либо смену «элит». На повестке катастрофической несправедливости выводится тема возвращение роли государства в социальном сдерживании капитала и серьезном переобозначении распорядителя ресурсами и субъекта оплаты их пользованием (и в этом случае речь идет об новой повестки национального государства как народного суверена, институционально необходимого для построения Новой Справедливости). Повестка, ускоряемая темой радикальной турбулентностью климата (и как большой роли влияния на эти процессы крупного капитала, так и тема радикальной экспроприации, необходимая для экстренного

⁴ <http://sg-sofia.com.ua/manifest-novogo-narodnogo-internazionalizma-v-evropi>

«замедления климатической динамики», но это уже будет отдельной темой исследования).